

«Юность комсомольская моя...»

Строки из «Вечерней песни» о Ленинграде В. Соловьева-Седого и А. Чуркина для меня не были простым звуком. Моя комсомольская юность была богата на запоминающиеся события, жизненный опыт и прекрасных учителей. Для меня комсомол остался песней, которая вместила в себе сложный период середины – конца 80х гг. XX века - от бурной школьной комсомольской жизни до жестокого разочарования и выхода из комсомола не по достижении 28 летнего возраста, а по «идейным» соображениям. Комсомольские песни сопровождали меня всюду в этот период и делали жизнь песней.

В 1982м году семиклассницей я одна из первых в классе вступила в комсомол. В 1983м комсомольская организация школы № 82 Metallургического района г. Челябинска избрала меня, председателя школьного учкома (ученического комитета) секретарем комитета комсомола. В то время в нашей школе еще кипела активная общественная жизнь. В тот год по ТВ показали прекрасный фильм «Наше призвание» о первых годах становления советской школы и юных активистах ученического самоуправления. В моей юности повесть Л. Пантелеева «Республика ШКИД» уже никто не читал, фильм не смотрели. Поэтому фильм «Наше призвание» взорвал обыденность школьной жизни. Мы организовали учком и в нем познавали азы демократии в действии. И, как отличница, я его возглавляла. Вспоминая об этом сейчас, размышляю, сколько же мудрости и терпения было у нашего директора «Заслуженного учителя Российской Федерации» Людмилы Валентиновны Слотиной, чтобы не просто найти с нами, активистами учкома, общий язык, но и направить нашу неумную энергию в нужное русло, а также объяснить всем учителям, насколько это важно. Тогда мы впервые ввели в школе День самоуправления. Он проходил не в праздник Дня учителя, а отдельно, весной, был плодом совместных усилий педколлектива и учкома. Помню, мне пришлось вести физику в 7х классах. Кто работал в школе, то знает, что во все времена это самая неуправляемая параллель. Но все сложилось как надо, все получилось интересно для меня и ребят, видимо, поэтому мои одноклассники-мальчишки на 8 марта посвятили мне стихотворение:

Она учителем хочет стать,
У седьмых провела урок.
Всем героям войны под стать
Продержалась положенный срок.

Тогда в школе я впервые столкнулась с тем, что далеко не все ребята в школе разделяли мое твердое убеждение, что жить можно ярко и интересно, не только тусуясь на дискотеках и собираясь во дворе с «пивасом» и гитарой. И наравне с композициями «Битлз» можно с удовольствием слушать песни советских композиторов и читать, читать, читать...

Еще в 7м классе, готовясь вступить в комсомол, я, пропуская все книги через душу и сердце, зачитывалась историями Павки Корчагина, Овода, Жени Столетова, перечитывала повесть «Неизвестный солдат» А. Рыбакова. Как могла, пыталась осмыслить девиз Сани Григорьева: «Бороться и искать, найти и не сдаваться». Многократно вчитывалась в строки Островского про самое дорогое у человека – жизнь. В силу малого жизненного опыта и юношеской торопливости запомнила на всю жизнь, что прожить надо так, «чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое», но не дочитала то, что сейчас, по прошествии лет, кажется важным и значительным: «И надо спешить жить. Ведь нелепая болезнь или какая-нибудь трагическая случайность могут прервать ее»...

Зато я отлично помню одно из заседаний комсомольского бюро нашего класса по приему в комсомол последних, кому исполнилось 14 лет. Вступить в комсомол для всех тогда было само собой разумеющимся, что «париться» над размышлениями, зачем тебе комсомол и почему ты в него вступаешь. Среди кандидатов на прием был один парнишка, отнюдь не соответствующий моих представлениям о том, кто достоин носить комсомольский значок и иметь комсомольский билет. На открытом голосовании я выступила против его приема. Помню, он не сдержался тогда и процедил сквозь зубы: «Как же я тебя ненавижу за твои принципы!» Но иначе мне и не представлялось.

Жизнь моя была ключом не только в стенах школы. В силу своих обязанностей я входила в районный комсомольский штаб, который работал в Доме пионеров и школьников Metallургического района, часто бывала в райкоме комсомола, была делегатом многочисленных районных комсомольских конференций. И вот в штабе судьба меня столкнула с чудесным человеком, куратором комсомольского штаба Татьяной Леонидовной Нелюбиной, в настоящее время живущей в Германии и преподающей немецкий язык. Татьяна Леонидовна показала мне, что не все в комсомольском возрасте формально и равнодушно относятся к происходящему. Она привела меня в ансамбль политической песни, который объединял участников различных «комсомольских» возрастов от школьников до молодых рабочих металлургического завода и членов их семей. И мы собирались в клубе, читали новости о зарубежной молодежи и разучивали песенные новинки, публиковавшиеся в журналах «Комсомольская жизнь», «Студенческий меридиан». Разучив, с удовольствием выступали на тех же комсомольских конференциях:

В укромном уголке ты можешь в одиночку

Над шуткой посмеяться и покружиться в танце.

Но будет интересней проделать это вместе.

В кружок собравшись тесный, друзья подхватят песню...

Вместе с украинцами мы лихо «спивали» «Ты ж мене пидманула». А вместе с болгарами мы (русские и украинцы) вдохновенно разучивали на болгарском «Алёшу», песню, которую среди наших ребят уже мало кто слышал в принципе:

Снежец ли се сипе от свода, от свода небесен.

Снежец ли се сипе от свода, шуми ли в листата дъждец.

Стои на тепето Альоша, Альоша, Альоша.

Стои на тепето Альоша, незнаен съветски боец.

И ведь мы верили, что «туй че това е Альоша България цяла го знай!»

По окончании этих незабываемых десяти дней, стоя в «орлятском кругу» под проливным дождем на Красной площади, пели и мечтали, «чтоб снова встать с друзьями в круг и снова знать, что рядом друг, и песни петь, чтоб больше не было разлук»... И писали несколько лет друг другу письма (я до сих пор храню тетрадные листки с адресами ребят из отряда), встречались с теми, кто жил и учился в Челябинске. Среди моих друзей были комсомольский секретарь школы № 135 Эля Попова, бывшая в 90е в числе первых тележурналистов канала «СТС-Метар», в 2000 году уехавшая в США заработать на жизнь себе и сыну, комсомольский секретарь школы из закрытого города Златоуст-36 Андрей Бондарюк, редактор и основатель журнала «Выбирай», секретарь комитета комсомола школы в Троицком районе Коля Шукин, ныне врач-диагност в Кургане, Мариночка Нужных, комсомольский секретарь из Озерска. (С Элей и Мариной я поддерживаю дружбу и контакты до сих пор благодаря социальным сетям). До самого распада СССР я переписывалась с двумя девочками с Украины и одной из Эстонии. Связи прервались, но потом вроде восстановились в «Одноклассниках», ведь нас объединяли общие воспоминания. И тут нас вновь развели политики в 2014 году. Теперь, похоже, навсегда.

После незабываемой поездки в «Олимпиаец» в моей школьной комсомольской жизни было и еще одно знаковое событие, которое зимой 1985-86 гг. организовал Дворец пионеров и школьников им. Н.К.Крупской. Это были совместные зимние сборы актива городского Научного общества учащихся и секретарей школьных комсомольских организаций на Ильменской турбазе. Там я убедилась, что в городе есть равнодушные творческие ищущие ребята, и это не только активисты-комсомольцы. Они мне были очень близки по духу, настроению, хотелось быть не просто рядом с ними, но и внутри их движения. Но, к сожалению, в 80-е комсомол и НОУ выполняли разные задачи, и больше наши пути-дорожки не пересеклись, несмотря на одинаковость самоуправления (роль школьного учкома вполне мог выполнять Совет НОУ, как мне казалось). Отвлекаясь от темы, замечу, что в 90е-начале 2000х, работая методистом НОУ в «ДДТ», я всячески развивала и пропагандировала эту

идею среди научных обществ школ Советского района, но она не прижилась, самой часто используемой формой самоуправления оказалась игра в «президентскую республику».

С 1986 года я стала понимать, что песни и дороги у нас с комсомолом дальше будут разные. Поступив на исторический факультет Челябинского госуниверситета, я сначала решила, что «скромней надо быть, товарищ Сидоренкова» (как учил нас с экранов Геннадий Хазанов). В секретари комсомольского бюро уже не стремилась, решила попробовать себя в «Комсомольском прожекторе». Перестройка и «новое мышление» набирали обороты. Однокурсники мои были апатичны и аполитичны, глаз «резали» двойные стандарты тех, кто стремился быть комсомольским вождем, надеясь в дальнейшем припасть к партийной «кормушке». Вокруг меня были или карьеристы, или пофигисты. К тому же, мы жадно «глотали» все, что публиковалось из ставших доступными архивов, в журналах «Огонёк» и «Родина», романы Рыбакова, Гранина, Солженицына и других ранее не публиковавшихся писателей. Я, опять же с юношеским максимализмом, отнюдь не простительным для историка-профессионала, разрушила все свои идеалы, прочитав о том, что на строительстве ДнепроГЭСа и Магнитки эков было больше, чем комсомольцев. А также о том, что Зоя Космодемьянская была психически больной, поэтому ее выдали фашистам сами жители деревни. Что молодогвардейцы – подростки, решившие поиграть в подпольщиков, и за это жестоко поплатились. Поэтому еще учась на втором курсе, решила для себя, что надо заниматься археологией, она – единственная из исторических наук, свободная от политической идеологии (я так искренне считала).

Своему юношескому «комсомольскому задору» я нашла вполне научное объяснение в теории пассионарности великого ученого Л.Н. Гумилёва. Возможно, я обладала задатками к более высокому уровню пассионарности (способности пожертвовать собой во имя великой цели), чем те, кто меня окружал. Но всему свое время и свое место. «Братьев по духу» я, слава Богу, не встретила, и мою активность пришлось направить на выживание на обломках социалистической идеологии.

В 1989 году, когда нам предложили забрать в университетском комитете комсомола свои учетные карточки, а через неделю вернуть их назад, я не стала этого делать. Это означало выход из комсомола. Так я рассталась с комсомолом. «Новые песни придумала жизнь». В археологических экспедициях я узнала, что кроме «вновь продолжающегося боя» есть Визбор, Окуджава, Кукин, Клячкин, Сергеев, Берковский, Городницкий и другие замечательные барды.

А вот сейчас, 30 лет спустя, на всю оставшуюся жизнь моей любимой альтернативой строкам «Не расстанусь с комсомолом, буду вечно молодым» остается вторая замечательная песня на стихи Е. Долматовского:

Не созданы мы для легких путей,
И эта повадка у наших детей...
Мы с ними выходим навстречу ветрам,
Вовек не состариться нам...